

БИБЛИОТЕЧКА
ЖУРНАЛА
Советский воин

Борис ПРИВАЛОВ

№ 6 (217)

РАССКАЗЫ О СМЕКАЛКЕ

Военное Издательство Военного Министерства Союза ССР

1953

Цена 50 коп.

СОДЕРЖАНИЕ

О смекалке	1
Тишина	3
Десять мин сержанта Катюшина . .	12
Безвыходное положение	19
При развёрнутом Знамени	27
Трижды убитый	37

Рисунки Г. БАЛАШОВА

Редактор В. В. ПАНОВ

О СМЕКАЛКЕ

В своём историческом выступлении по радио 3 июля 1941 года Иосиф Виссарионович Сталин призвал воинов Советской Армии и Флота «проявлять смелость, инициативу и смётку, свойственную нашему народу».

В Великой Отечественной войне 1941—1945 годов замечательные качества советского солдата раскрылись во всей своей полноте, во всём своём богатстве. Ещё и ещё раз было доказано, что смекалка — это грозное оружие в руках того, кто им в совершенстве владеет.

Что такое смекалка? Это умение ввести врага в заблуждение, умение скрыть свои намерения и планы, добиться выполнения приказа командира малой кровью, с наименьшим риском. Удачно примененная

военная хитрость помогает найти выход из, казалось бы, безвыходных положений, обуславливает поражение врага.

Но надо помнить, что если смекалка не сочетается с храбростью, выдержкой, блестящим владением оружием, — она не принесёт пользы. Даже наделённый незаурядной природной смекалкой солдат не сможет добиться успеха в бою, если не овладел порученной ему техникой, воинским мастерством.

Для развития солдатской смекалки колоссальное значение имеет пропаганда опыта Великой Отечественной войны. Каждый из её участников может привести множество примеров применения военной хитрости. Вдохновляясь подвигами героев, молодые солдаты ищут новые творческие решения в проявлении смётки, находчивости, учатся инициативному ведению боя в различных его стадиях.

В данном сборнике помещены, в основном, рассказы старшего сержанта сверхсрочной службы гвардейца Павла Шлыкова.

Павел Шлыков — образ собирательный. В лице выведенного под этим именем героя читатели узнают черты многих советских воинов, которые в трудных боях проявляли смелость, инициативу и сметку, свойственную нашему народу.

ТИШИНА

В курительной комнате ефрейтор Огоньков подошёл к солдату Жукову.

— Разрешите прикурить? — сказал ефрейтор.

В комнате стало тихо. Удивлённый Жуков протянул Огонькову коробок спичек.

— Наш-то Огоньков нынче без огонька! — пошутил кто-то.

— А где же ваша зажигалка, товарищ ефрейтор? — спросил Жуков.

Зажигалка была известна всему подразделению. В первое время, когда Огонькова ещё плохо знали, о нём так и говорили: «А-а, это тот, у которого зажигалка!» Подарок отца, старого тульского оружейника, зажигалка выглядела, как маленький пистолет. Когда на спусковой крючок нажимали, «пистолет» звонко щёлкал, и из ствола вырывался язычок пламени. Если огонь надо было потушить, то опять нажимался спуск, раздавалось щёлканье, и зажигалку можно было прятать в карман. Ефрейтор очень гордился своим «огнём».

— Снайперская у него закваска,— говорил Огоньков,— десять зажиганий из десяти возможных! Ни единой осечки — тульская работа!

И вдруг сегодня, впервые за год, ефрейтор появился без своей знаменитой зажигалки. Поэтому солдаты и смотрели на него удивлённо.

— Я её разобрал,— сказал Огоньков, усиленно пыхтя папиросой.— Надо там кое-что усовершенствовать...

— Хотите, наверное, чтобы она не только огонь, но и табак заодно вырабатывала? — спросил Жуков, улыбаясь.— Расскажите нам про своё рационализаторское предложение...

— Да о чём рассказывать! — Огоньков выпустил такой мощный клуб дыма, словно пытался поставить дымовую завесу перед своим лицом. — Ерундистика... Ничего интересного. Пусть лучше товарищ старший сержант расскажет нам что-нибудь из фронтовой жизни.

Старший сержант Павел Шлыков курил трубку. Он внимательно посмотрел на ефрейтора, и тот опять попытался скрыть своё смущение за клубами дыма.

— Что ж, есть одна коротенькая история,— сказал Павел Шлыков.— Про тишину. Тишина — ведь это особого рода маскировка. Вы и про резиновые «галоши», которые партизаны на копыта лошадей надевали, знаете... И про то, как в ночных рейдах котелки тряпками обматывали, чтобы не стучали... А про разведчиков вообще говорят — «бесшумный народ». Слышали такое выражение? Бесшумность, то есть тишина,— грозное оружие. Им надо владеть, как любым другим оружием, в совершенстве. Тут уж каждый отвечает за всех и все за одного. Кто-нибудь скажет

громкое слово или лопатой звякнет — всё идёт на-
смарку, вся задуманная операция... Раз подразделе-
ние демаскировано, то противник может его уничто-
жить. Вот к чему приводит недисциплинированность
одного человека... Но я хочу рассказать вам о том,
как тишина помогла нашей роте разгромить две роты
противника...

— Хватит, товарищи, дымить,— сказал Жуков,
бросая папиросу. — А то из-за дыма товарища стар-
шего сержанта не видно!

Солдаты побросали папиросы, даже Огоньков вы-
нырнул из-за своей дымовой завесы.

— Было это в сорок третьем году, — начал стар-
ший сержант. — Служил я тогда в роте лейтенанта
Северцева. Может, кто слышал такую фамилию? Герой
Советского Союза, сейчас на заводе работает, извест-
ный рационализатор... Он по натуре — изобретатель.
Чего только он на фронте ни придумывал! Гигантской
смекалки человек, — вот какой у нас был командир.
Вы про гранату-огнетушитель слышали? Нет? А ведь
про это весь наш фронт знал!

— Не слышал я про такие гранаты, чтоб огонь
тушили! — сказал Огоньков. — Хоть бы посмотреть на
одну.

Павел Шлыков хитро поглядел на ефрейтора.

— А вы что, гранат никогда не видели?

— Граната, она не для тушения, — сказал Огонь-
ков, — скорее наоборот...

— И мы так думали, — подхватил Павел Шлы-
ков. — А вот командир наш доказал, что если человек
со смекалкой, то он и гранатой пожары сумеет тушить!
В тот день прорвались мы к реке. Фашисты отступают.

На том берегу — село. Нельзя дать противнику в нём закрепиться. А единственный мост горит. Стропила пылают, искры летят. Без моста, сами понимаете, много времени на форсирование уйти может... Как быть? Смотрим, лейтенант бежит прямо к мосту, и в каждой руке у него по противотанковой гранате. Размахивается, и одну за другой гранаты — у моста, в реку... Оттуда столбы воды. И вся вода обрушивается на рамы моста, на стропила, на настил. Пар, как в парилке. И слышим голос командира: «Рота, за мной!..» Помчались мы к мосту, а огня там уже нет. Вода своё дело сделала, недаром ей звание «почётного пожарного» присвоено... Кое-где взрывы настил покорёжили, перила разломало. Ну, да это, понятно, пустяки. Фашисты никак не ожидали, что мы сумеем мост сохранить и проскочим через реку без задержки. Они в селе-то и не успели закрепиться, дальше побежали...

— Вот это здорово придумано, с гранатой! — восхищённо произнёс Жуков.

— Этот приём впоследствии часто применялся и нами, и в других частях, — сказал Шлыков. — «Граната-огнетушитель» широко пошла. Но, конечно, метать её надо с толком, чтобы, во-первых, в устой моста не попасть, во-вторых, мост должен не особенно высоко над водой подниматься. Иначе, сколько гранат ни расходуй, только рыб оглушишь. Ну, этот случай я вам рассказал, чтобы вы представление имели о нашем командире роты лейтенанте Северцеве. А теперь про бесшумные дела рассказ, про тишину...

Шлыков разжёл погасшую было трубку, затянулся.

— Передний край нашей обороны вклинивался в расположение гитлеровцев. И в самом остром клина —

высотка. Небольшой такой холмик, но для фашистов хуже занозы. Старались, старались они клин срезать, линию фронта, как говорили, выпрямить или, на худой конец, хоть бы высотку отобрать — ничего не выходит. У них было много потерь, а холм попрежнему стоит, попрежнему всё кругом простреливается, и того гляди с этого самого клина наше наступление начнётся.

Наша рота держала оборону на левом склоне холма. Из штаба батальона командиру сообщили, что нашей роте завтра утром предстоит атаковать противника.

И вот что лейтенант Северцев придумал: уйти с высоты.

— То есть как это уйти? — ужаснулся Огоньков. — Отступить?

— А разве я сказал «отступить»? — усмехнулся Шлыков. — Уйти — это не значит отступить. Слушайте внимательно! Мы ушли с высоты навстречу противнику. И сделали это так, что фашисты ничего не заметили. Мы замаскировались тишиной.

«Будем работать ночью, в абсолютной тишине! — сказал командир. — Если противник услышит хоть один подозрительный звук, дело будет сорвано. Ясно?..»

И вот мы рыли в снегу ходы сообщения, траншеи, гнёзда, сделали проходы в минных полях противника, в проволочных заграждениях воротца да калитки простригли — как полагается... Все, конечно, в масках работали, молча. Даже шопотом и то боялись разговаривать. Вблизи посмотреть — ну, призраки работают и только, честное слово! Немой кинофильм! А фашисты нет-нет да и подбросят осветительную ракету

или ещё какую-нибудь пакость. Тогда сунешь лицо в снег и лежишь — не дышишь... Да и снег, кстати сказать, наружу выбрасывать нельзя было. Ведь если ут-ром гитлеровцы увидят, что на ровном месте сугробы выросли, весь наш план провалиться может. Приходилось работать по-кротовьи. Знаете, как кроты делают? Они землю на поверхность не выбрасывают, а впрессовывают её в стенки прорытого хода. Вот так и мы действовали, даже лучше. Крот, когда он на поверхность выходит, горстку земли всё-таки выбрасывает, а мы ни единой снежинки на-гора не выдали!

Отрыли мы траншеи и ходы сообщения, утрамбовали всё честь-честью, а потом тихо вернулись на свою высотку. Тут и утро стало разворачиваться. И ещё солнце не успело взойти как следует, началась наша артподготовка. При первых же выстрелах вся рота незаметно уходит в отрытые ночью траншеи. Сидим между окопами противника и высоткой, наблюдаем за гитлеровцами. Как только наша артиллерия разговор начала, фашисты — кто в блиндаже залёг, кто во вторую линию обороны перебрался.... А мы стали готовиться к броску. Сразу после артподготовки выскочили из своих снеговых траншей, прошли через минные поля, через колючку.

Гитлеровцы не успели опомниться — мы тут как тут!..

Наше неожиданное появление в нейтральной зоне так их оглушило, что они сперва даже огонь не вели. Потом спохватились — да уж поздно: метров пятьдесят между нами было-то всего... Ворвались мы в окопы, разбили миномётные батареи, пленных взяли...

А за нами и весь батальон втянулся в бой. Клин стал ещё больше. С тех мест потом и весь фронт начал

Вдруг, откуда ни возьмись, майор с повязкой посредника.

наступать... Вот какой смекалистый командир у нас был! А почему, если вдуматься, бой этот удался? Из-за тишины. Один звук — и нас бы обнаружили... Ясно? Представьте себе теперь такого недисциплинированного солдата, который нарушил бы приказ командира и во время ночных работ демаскировал роту... Огоньков, куда вы? Подождите, сейчас о вашей зажигалке речь пойдёт.

— Да что там говорить, — Огоньков вертел в руках коробок спичек. — Подвела меня сегодня зажигалка.

— Не зажглась? — спросил Жуков.

— Нет, горела, как всегда, на «отлично», — сказал Шлыков, попыхивая трубочкой. — Но только, будь это в боевых условиях, жизни бы она своему хозяину стоила.

— Шли мы в разведку, — нехотя заговорил Огоньков, — маскхалаты чистые, все предосторожности маскировочные соблюдены. Выполнили задание, возвращаемся назад. Немного ориентиры спутали... Идём, и вроде, нам кажется, неправильно идём. Остановились в тихом месте, закурили, совещаемся шопотом. Вдруг, откуда ни возьмись, майор с повязкой посредника. «Вы, товарищи, убиты, — говорит. — Вы себя демаскировали». — «Как? Нам непонятно». — «А чем вы шёлкали? — спрашивает майор. — На весь лес какое-то металлическое щёлканье раздавалось». Тут я спохватился: закуривали-то мы от моей зажигалки! А она, сами знаете, как щёлкает!

Майор ушёл. Мы в качестве убитых спокойно сели покурить и вдруг слышим тихий голос: «Руки вверх!» Смотрим: Шлыков и Ястребов сзади стоят, автоматы на нас направили.

— И мне ефрейтор Огоньков отвечает, — усмехнулся Шлыков: — «Меня в плен брать нельзя, я убит из-за своей зажигалки». Вот и вся история...

— Я свой зажигательный прибор разобрал, — сказал Огоньков. — Хочу щёлканье устранить. Чтобы он работал без шума.

— Пойдём вместе над ней поколдуем, — сказал старший сержант Шлыков. — Ум — хорошо, а два — лучше. У меня уже, кстати, есть одна мыслишка. А что, если то колёсико, с насечкой...

И старший сержант с ефрейтором пошли усовершенствовать подарок старого тульского оружейника.

ДЕСЯТЬ МИН СЕРЖАНТА КАТЮШИНА

Солдата Жукова в этот вечер старший сержант Шлыков встретил словами:

— Товарищ бывший условный противник, расскажите, как вы сегодня своё подразделение подвели?

— Да ведь у меня, товарищ старший сержант, — смутился Жуков, — и времени мало было... да и...

— Вы представьте себе, товарищи, — сказал Шлыков, — наша рота и приданные ей танки выходят из леса. Впереди — дорога, грязный просёлок и по ней четверо солдат бегут. От нас бегут. А на просёлке две мины закопанные валяются и вообще ямы, кучки земли — огород, одним словом. Тут даже высшего солдатского образования иметь не надо, ясно — условный противник хотел дорогу заминировать, но не успел. Теперь слово предоставляется рядовому Жукову, пусть объяснит, почему он не выполнил задания.

Жуков взволнованно ерошил свои короткие волосы.

— Товарищ старший сержант, — вздохнул он, — ведь времени-то дали на постановку мин всего ничего.

Мы же слышали: в лесу моторы гудят. Да и тринадцатую минами всю дорогу разве перекроешь?

— Дело не в количестве мин,— отрезал Шлыков,— а в вашей сообразительности и умении. Танки рядом, надо решение принимать, а у вас пальцы трясутся. А кто ефрейтору Огонькову говорил: «Были бы мины, а мы так дорогу перекроем, что кошка не перебежит»?

— Там, где кошка, может, и не пробежит, побоятся, там танки пройдут,— заметил кто-то из слушателей.

— Да разве тринадцати мин хватит, чтобы всю дорогу перекрыть? — продолжал жалобно вопрошать Жуков.— Тут минное поле надо ставить! Обочины тоже надо минировать...

— Вот вы и приказа не выполнили, потому что думали о минном поле, да танков пугались... А надо было действовать с соображением, исходя из данных обстоятельств. Всё учесть: и распутицу, и болотистую почву вокруг дороги, и самое главное — танки противника. А скорость постановки мин у вас, очевидно, всегда хромала. Суворов как говорил? Не числом вой, а умением. Вы что же думаете, в боевых условиях всегда времени достаточно и мин излишек? Вот я вам, товарищи, расскажу, как в таких же примерно условиях действовал наш сержант Катюшин... Сейчас, правда, осень, а тогда дело было весной, но тоже — грязь, распутица, трясина... Схоже, короче говоря. И было у сержанта Катюшина всего десять мин. Да я вам разве про Катюшина никогда не рассказывал? Нет? Такой видный парень был. Один его чуб чего стоил. А усы? Усы у него были особенные, как кудри! Ни у кого я больше таких усов не видал. Да, красивый был парень!..

— Почему «был», товарищ старший сержант? — спросил ефрейтор Огоньков. — Погиб Катюшин?

Когда Шлыков улыбался, то шрам на его лице делался совсем незаметным: он пропадал в морщинках или, как говорил сам старший сержант, «маскировался под рельеф местности». Вот и сейчас шрам Шлыкова постепенно затушёвывался улыбкой.

— Жив, только усы сбрил, да чуб ликвидировал. Жена приказала... Впрочем, шутки в сторону. Разговор о десяти минах сержанта Катюшина идёт. Обстановка такая: наш батальон выполнил задание в тылу противника и уже направлялся на соединение к своим. И вдруг получаем приказ: перерезать дорогу между селом Горки и деревней Поташково, оседлать её и держать во что бы то ни стало до 17.00. Наша разведка доносит: из Горок в Поташково движется до полутора батальонов вражеской пехоты и двадцать танков. Кроме того, большой обоз боеприпасов. Командир наш, капитан Иванцов, приказал занять оборону метрах в семистах от леса, прямо, на болоте. Дорога километра три идёт по густому сосняку. Там танкам не развернуться. А из леса дорога вырывается на поля. Но между полями и лесом — трясина... На трясине, как и водится, было много бугорков, островков, кочек. Вот на них-то мы и расположились. Командир наш хитро рассчитал: танкам с дороги не свернуть, пехоте фашистской двигаться тоже по трясине трудновато. Хорошая позиция! Тем временем сержант Катюшин получает приказ заминировать дорогу. Кругом тишина, только уже слышно — вдали танки гудят.

— Сколько у вас осталось мин? — спрашивает капитан Иванцов Катюшина (а Катюшин был старшим в группе сапёров).

— Десять, товарищ капитан, — отвечает сержант.

— Хватит?

— Постараемся, товарищ капитан, чтобы хватило.

А танки вдали грохочут. И вот Катюшин со своей группой уже на дороге. Сержант отдаёт приказания, а сам, вижу, волнуется: то чуб на палец наматает, то ус. Часть сапёров мины на дороге ставит, другие — на обочинах, третьи — тоже на дороге, но подальше от первой группы. Рассказывать долго, а работали они быстро. Чётко, сноровисто. Вернулись через несколько минут в распоряжение батальона, доложил Катюшин капитану о выполнении задания, а в лесу такой грохот стоит, словно там буря идёт, сосны валит. Мы лежим, кто мог — окопался. Катюшин пристроился рядом со мной, мы с ним старые дружки были. И вот вылезают из леса танки. На опушке танки останавливаются, начинают вести огонь по расположению роты. Потом (сзади, очевидно, колонна напирает) пошли потихоньку. Пехота высыпала из-за деревьев, начинает продвигаться по болоту. Мы открыли огонь по гитлеровцам — всё, как полагается. И сразу же они назад к лесу вернулись: во-первых, болото, а во-вторых, били мы крепко. У них вся надежда на танки. Те ползут по дороге, хотят нам в тыл зайти. И вдруг взрыв! Первый танк сразу сел: катюшинские мины его на якорь поставили.

А сержант шепчет:

— Так. Одна сработала!

С лесной опушки по нашей позиции из миномётов кроют. Осколки так и шлёпаются вокруг. Другие танки начинают обходить головную машину. Только вышли вперёд, и вдруг сразу задний ход дают.

— Заметили! — кричит Катюшин.

— Чему же ты радуешься? — говорю я сержан-

— Так. Одна сработала!

ту.— Твои мины заметили, дальше не пойдут! Смотри, на обочину сворачивают!

И, действительно, сворачивают, как по команде, два танка на обочину. И оба тут же подрываются! Чувствую, Катюшин вздохнул свободнее. А остальные танки разворачиваются и назад, к лесу. Там гул стоит, болото наше трясётся. И снова гитлеровцы в атаку идут. Видят они, что дорога заминирована, танкам пока ходу нет — в трясику влезешь, совсем застрять можно, — и теперь только на пехоту надеются. Ну, автоматчикам фашистским трудно приходилось. Лезут они по пояс в воде, проваливаются, бить их легко. Тем временем танки дорогу обстреливают, хотят минное заграждение поломать. И, самое поганое, — нас миномёты накрывают. Раненых много появилось, осколок мины везде достанет.

— Сколько времени? — спрашиваю у Катюшина.

— Без трёх минут пять, — говорит Катюшин.

А фашисты лезут из леса и лезут. Нам уже трудно приходится: мой ручной пулемёт накалился, вот-вот расплавится. И боеприпасы кончаются, а ждать их неоткуда.

Вдруг под нами земля загудела, небо дрогнуло. И из леса словно стена встала — огонь, взрывы, дым, деревья. Даже к нам оттуда кора да ветки долетают. Это наша дальнобойная ударила. Очевидно, лесок этот был нашей тяжёлой артиллерией пристрелян. Когда вся фашистская колонна там сосредоточилась, дальнобойная и стукнула. Тут уж, понятно, фашистам не до атаки, легли прямо в болото и лежат. В лес назад они бояться итти: там такой танколом — дым коро-мыслом. Ну а потом — атака. Мы здорово потрепали врага в этот день. Вот и всё... Но если бы не десять

катюшинских мин, то мы задание могли сорвать, трудно бы нам с танками пришлось.

— Я тут не понял, товарищ старший сержант, — сказал ефрейтор Огоньков, — а чего же танки испугались?.. Вот когда они обошли подорвавшуюся машину и вышли на дорогу, что они увидели? Минное поле? Но ведь у Катюшина было всего десять мин, тут поля не поставишь.

— Вот в том-то и дело, что он сумел поставить минное поле, — усмехнулся старший сержант. — Смекалка помогла. Расположил он мины так: по три мины на обочины, от них метрах в двадцати поставил две по самой середине, на проезжей части дороги. В колею, как говорится. Замаскировал их прямо в след недавно прошедшей машины. Метрах в пятнадцати — ещё две, тоже на середине дороги. Понятно? Вот и все его десять мин. А дальше Катюшин приказал сделать десятка два бугорков из грязи, будто там плохо замаскированные мины стоят. Танк головной подорвался, два других стали его обходить — увидели впереди минное поле. Остановились, потом решили пройти по обочине и тоже подорвались. Другие танки не стали лезть вперёд, да и дорога уже здорово загромождена была. А на обочинах увидели «минные» посадки и решили стоять к лесу... Вот и всё. Понимаете, Жуков, какая сила — десять мин плюс солдатская смекалка? А у вас ведь было не десять, а тринадцать штук! И вы опозорились! Ну, ничего, придёт время, я и о вас, может быть, рассказывать буду: «Вот как солдат Жуков перехитрил противника...»

— Обещаю, товарищ старший сержант, — начал Жуков, но Павел Шлыков сказал:

— Верю, больше таких случаев у вас не повторится, ну, а резкое слово, сам виноват, заслужил...

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Мой друг, Павел Шлыков, старший сержант сверхсрочной службы, показал мне одну фотографию. На ней запечатлён момент тройного рукопожатия: танкист, артиллерист и Шлыков спаяли три ладони в один мощный кулак, и, кажется, силы такой не найдёшь, что может разорвать этот узел из солдатских рук.

— Встреча старых знакомых? — рассматривая снимок, спросил я Шлыкова.

— Прежде мы знакомы не были, — уклончиво ответил старший сержант и замолчал, раскуривая трубку.

— Загадками говорите, Павел Григорьевич, — сказал я, дивясь неразговорчивости обычно столь словоохотливого друга.

После долгих расспросов я выяснил, что Шлыков имел какие-то основания не проявлять особого энтузиазма при воспоминании о данном событии. Оказалось, что старший сержант убеждён: в тот вечер он не только лично опозорился при всём честном народе, но и подразделение своё подвёл (да что там подразделение! Всю матушку-пехоту!).

— Попал я в безвыходное положение,— признался Павел Григорьевич, попыхивая трубкой.— Первый раз в жизни не выполнил задания!

— Странно от вас слышать слова типа «безвыходное положение»,— удивился я.— Вы, старый фронтовик, солдатской смекалки старший сержант, как вас называет молодёжь...

— Ну, раз такой разговор пошёл,— прервал меня Шлыков,— то я всё по порядку изложу. Вы войдёте в моё положение и признаете, что оно было безвыходным... Случилось это в День танкистов. Как принято, пошли мы поздравлять «именинников»-танкистов из соседнего лагеря. А там — все рода войск собрались, как перед большим наступлением. И вот, под вечер уже кто-то предложил послушать старых фронтовиков, одним словом, вспомнить минувшие битвы и дни, где вместе рубились они.

Танкисты выделили одного старшину, весёлого парня из-под Чернигова. Артиллеристы — старшего сержанта, гвардейца из наводчиков. А пехота — меня.

Старшину из-под Чернигова мы уговорили выступить первым. Он поначалу отнекивался, но разве может кто устоять против совместных действий пехоты и артиллерии? Короче говоря, старшина взобрался на помост — а у них в лагере специальные такие мостки построены на поляне, вроде сцены,— и начал свой рассказ.

Мы с артиллеристом не стали слушать старшину, отошли от полянки на такое расстояние, чтобы даже голоса рассказчика слышно не было: хотелось нам с мыслями собраться. Сели мы на пеньки, закурили. Каждый в меру сил мозгами ворочает: о чём говорить? Мне, лично, например, никогда со сцены выступать не приходилось. Да ещё перед таким количеством слуша-

телей... Одно дело — вспомнить к слову фронтовой случай среди друзей, на привале или в курительной комнате. А здесь ведь даже родная трубка и та не поможет — неудобно народу в глаза дым пускать...

— Волнуетесь? — спрашивает меня со своего пенёка артиллерист.

— Волнуюсь,— отвечаю. — Я не народный артист, могу на сцене и растеряться.

И вот, сидим мы, молчим, каждый о своём мозгует. С полянки нет-нет да и долетит какое-нибудь слово: «залп», «ракета», «выстрел»...

Смотрю — артиллерист на земле что-то чертит. Нашёл, стало быть, подходящий эпизод. А мне, как назло, ничего в голову не идёт. Волнуюсь, как перед первой в жизни атакой.

Закурил. Вроде спокойнее стало. Про что же, всё-таки, рассказывать? Может, про то, как лейтенант Северцев помог танкам реку Сож форсировать? Или про то, как сержант Катюшин так замаскировал танки, что сам потом их найти не мог? А может, о наших разведчиках, которые в фашистском тылу все путевые знаки и указатели переставили и из-за этого гитлеровские танки в болоте застряли?..

С поляны — ни звука. Танкист так народ увлёл, что слушают его, затаив дыхание.

— Ну, да ничего,— подбадриваю я себя,— и пехота сумеет кое-что любопытное сообщить! Лицом в в грязь не ударим!

Выколотил я трубку о пенёк, набил табаком, раскурил. Артиллерист продолжает «колдовать» над своей схемой. На поляне зажгли свет, ночные бабочки с комарьём вокруг ламп хороводы водят. Прямо надо мной, меж ветвей, луна висит. И чем дольше я на неё смотрю, тем больше она осветительную ракету напо-

минает... Вот тут-то и вспомнился мне тот случай ночной, да так в глазах и встал, словно вчера всё произошло.

...Подбили фашисты наш тяжёлый танк. Застрел он на так называемой «ничейной» земле, совсем недалеко от вражеских окопов. Дым из него валил: видно, здорово его задело!

— Если там и остался кто живой, — говорили солдаты, — то у ребят безвыходное положение. Оттуда не выберешься: фашисты-то рядом; пристреляна, небось, каждая былинка...

А сержант Катюшин расправил свои усищи и возражает:

— Насчёт безвыходных положений — поосторожней! Можно попытаться ещё машину спасти!

Тут его вопросами завалили по самое горло: как да что надумал?

— Подробности я командиру доложу, — сказал Катюшин, — а вот пробраться мне к этому танку будет, действительно, трудно. Придётся артиллеристов просить, чтобы огнём прикрыли.

И ушёл к командиру.

Без него спор ещё пуще. Что Катюшин придумал? Чинить танк нельзя: гитлеровцы каждый звук слышат. Если только подозрение будет, что в машине кто-нибудь живой остался, сейчас же танк добьют. Тем более, ясно, фашисты его считают своим трофеем. Наверное, и командованию сообщили: захвачен, мол, советский танк. Туда уже гитлеровцы ползали, по броне лазали, но внутрь попасть не могли, назад ушли. Вот-вот тягачи появятся, чтобы подбитую машину на буксир взять...

Пока споры у нас шли, Катюшин командиру свои

мысли доложил, и лейтенант его план одобрил. Пополз сержант к танку. Мы его огнём прикрываем, артиллерия тоже прикурить фашистам даёт. Как дополз Катюшин до машины, мы видели, а потом исчез — темно всё-таки, ночь, хоть и висят плошки над полем. Гитлеровцы, пожалуй, тоже видели Катюшина. Но они ему не препятствовали к машине подобраться: очевидно, считали, что «трофей» их вроде мышеловки, туда-то залезешь, а как назад выберешься? «Язык», мол, сам пришёл, по доброй воле, повезло нам, дескать!» — думают.

...И только я до этого места своих воспоминаний дошёл, как где-то рядом — залп. Я даже на пенёк подскочил и трубку из рук выпустил. Артиллерист рядом стоит, смеётся.

— Это, — говорит, — танкист своё выступление кончил! Теперь я иду. Мне такого залпа аплодисментов не сорвать, но постараемся. Артиллерия от танков никогда не отставала!

И пошёл «бог войны» в звании старшего сержанта на сцену. А у меня волнения словно и не было. Закурил своё дымил — так мою трубку в отделении называют — и стал про тот «безвыходный» случай додумывать. Вспоминаю, как дело было.

...Ночь прошла тихо. Наша артиллерия, правда, фашистам спать не давала. Полез, было, один тягач к нашему танку, да его сразу на прикол поставили. И вот, под утро уже, вылезают два вражеских тягача. Артиллерия бьёт, но неточно: попаданий нет. Мы переживаем, даже в сердце колет. А фашисты тем временем сцепили два тягача, прикрепили трос от последнего к нашей машине и начинают её за собой тащить.

Тут как загрохочет мотор, да как рванёт наш танк,

мы просто остоленели! А машина идёт к нам и тащит за собой двух фашистских черепах! Артиллеристы заградительный огонь ставят между танком и гитлеровскими окопами. Фашисты пристреляться не успели, как все три машины уже на нашу сторону перебрались. Открывается люк, а оттуда Катюшин и танкисты вылезают.

Мы кричим «ура», поздравляем Катюшина, а он смеётся:

— Вот как,— говорит,— у нас положено: за одного подбитого двух неподбитых берут!

Сержант, оказывается, догадался, что в танке экипаж жив, когда дым увидел. Похоже это было на дымовую шашку. А у танкистов есть такой приём: когда у машины небольшая поломка или повреждение, она останавливается. Чтобы её противник не добил, зажигают шашку. Дым валит! Кажется, что танк горит, и артиллерия врага оставляет его в покое: мол, машина готова, можно её со счёта списать. Вот Катюшин-то и заметил, что дым вроде шашечный. Но уверенности у него не было, решил проверить. Пополз. Оказалось, что повреждение, действительно, небольшое, но починить нельзя — фашисты будут звук металла слышать. И Катюшин предложил танкистам маскироваться... Звуком!.. Подгадывать все шумы под артиллерийские залпы. Наши артиллеристы, предупреждённые командиром, и вели поэтому обстрел передовой линии фашистских укреплений. Самое страшное было, что тягачи подойдут прежде, чем всё будет исправлено. А на починку четыре часа надо. Тягач вражеский сунулся — подбили. И только через четыре часа наши артиллеристы позволили гитлеровским тягачам к машине подойти... Ну, а дальше всё шло, как по нотам: когда фашистов из машин вытащили, то они

даже не сопротивлялись, до того ошарашены были: им-то показалось, что наш танк сам по себе пошёл! Ведь им сказали, что в нём весь экипаж сгорел!

...Взрыв аплодисментов на поляне вернул меня к пеньку, трубке, круглой луне, запутавшейся в ветках.

«Неужели артиллерист уже кончил свой рассказ?» — подумал я. Что-то очень быстро! Наверное, крохотный случай откопал, минуты на три всего... Ну, что ж, теперь очередь дошла и до «царицы полей».

Поправил я пилотку, одёрнул гимнастёрку, пошёл.

Выхожу на помост и вижу: артиллерист с танкистом целуются, хлопают друг друга по плечам, и разговора нет, только слышится:

— Помните?

— А вы помните?

— А как мы назад пришли, помните?

Короче говоря, типичная встреча соратников-однополчан.

— Эх, друг,— говорит мне тайкист, не выпуская из рук ладони артиллериста.— Тут у нас такая встреча! Историческое совпадение. Понимаешь — в одном бою были! Я свой случай рассказал, а он выходит и начинает тот же случай с артиллерийской точки зрения докладывать! Вот встреча, так встреча! Ведь в одном бою! Всё помнится, как будто вчера это было: ночь под Харьковом, «ничейная земля».

— А как вы врага на буксире-то приволокли? — вставил артиллерист.

— Разрешите задать вопрос по существу дела, товарищ старшина,— говорю я,— сержанта Катюшина знаете? К вашему танку пробирался в ту ночь под Харьковом.

Танкист даже руку артиллериста выпустил — до того удивился.

— Катюшина? Да как же!.. Усатый такой сержант! Золотая голова! Он нас и надоумил бесшумный ремонт произвести!

— Ну, так вот, — говорю, — а я его друг. В ту ночь в специальной снайперской засаде просидел — подступы к вашей машине держали на мушке на тот случай, если фашисты захотят танк взорвать или заминировать его. Родня мы, значит!

Что тут началось! Ни пером описать, ни фотоаппаратом заснять. Николай Огоньков, фотограф наш, правда, старался всю плёнку до конца израсходовать, нащёлкал кадров двадцать... Вот и этот — где мы трое — в том числе. Ну, а звук нельзя было на пленку записать, жаль. Крику много было. И наше родное «ура», и просто неорганизованные восторги. Разве я мог после этого всего выступать? Подготовленный рассказ погиб, а другого эпизода сразу не вспомнишь... Последнее же слово — оно же, кстати сказать, и первое — осталось за танкистом... Вот как прошло, точнее, не прошло моё выступление со сцены, — вздохнул Шлыков и стал раскуривать трубку. — Положение было безвыходное: задание рассказать эпизод есть, а возможности его рассказать нет... Нехватило у меня смекалки! Надо было, знаете, какой случай сообщить? Про ветер над рощей! Неужели вы не знаете? Неужели я вам не рассказывал?!

И старший сержант, спрятав фотографию, начал рассказывать мне очередную историю о солдатской смекалке...

ПРИ РАЗВЕРНУТОМ ЗНАМЕНИ

Ксения Ивановна стоит на балконе.

Улица наполнена праздничным гулом и музыкой. Пурпурные ручки флагов вливаются в прохладный солнечный воздух. Сверху улица кажется покрытой цветастым ковром: колонны демонстрантов, расцвеченные стягами, плакатами, знамёнами, двигаются к центру. Гремит радио, то там, то здесь слышатся взрывы смеха, ближайший оркестр трубит марш, другой — на перекрёстке — исполняет какую-то задорную пляску, третий — в конце улицы — поддерживает песню.

— Вот ты где! — выходя на балкон, говорит Огоньков жене. — Ну, а мы нынче с почётом: демонстрацию начинали! Парад кончился, и сразу наш завод пошёл. Знатно, мать, получилось!.. Писем от Николая нет?

— Нет, — вздыхает Ксения Ивановна.

— Только он один не прислал, — говорит Огоньков. — А ведь за ним весь завод смотрит, он в армии нашу заводскую честь поддерживает... Что ж я скажу людям: из армии, мол, писем нет?

К Огоньковым — старшим (раньше — в маленький бревенчатый домик на Базарной улице, а теперь — в новую квартиру заводского Дома Стахановцев) прилетали, приезжали, приплывали письма со всех концов страны, отовсюду, где жили и трудились шестеро сыновей и три дочери Фёдора Парфёновича и Ксении Ивановны.

На заводе, где начинали свой трудовой путь все Огоньковы, где полвека проработал Фёдор Парфёнович, рабочие часто спрашивали:

— Что твои «орлы» пишут, Парфёныч? Фамилии не позорят? Нашу честь заводскую поддерживают?

«Орлы», действительно, фамилии не позорили и честь заводскую поддерживали. Никита Огоньков командовал на Урале одним из передовых заводов; Евгений и Михаил — конструкторы, к празднику закончили модель нового станка; Семён — лучший стахановец завода, один из виднейших рационализаторов производства; Анатолий — токарь, лауреат Сталинской премии; Лиза на днях защитила дипломный проект и получила звание инженера; Зоя — чемпионка Республики по прыжкам — на последних соревнованиях улучшила свой рекорд; Маша на «отлично» учится в Московском Энергетическом институте. Николай Огоньков служит в рядах Советской Армии, получил недавно звание ефрейтора, имеет несколько благодарностей... Но от всех Огоньковых к празднику пришли письма, а от Николая — ни слова.

Мысль об этом не покидала Фёдора Парфёновича даже в ту торжественную минуту, когда его бригаде вручали (вечер состоялся накануне праздника в заводском клубе) переходящее знамя. Была надежда, что письмо со штампом «воинское» придёт седьмого утром

или днём, но почтальон прошёл мимо огоньковской квартиры...

— Может, письмо опаздывает? — успокаивающе произносит Ксения Ивановна.

— Твоими бы устами да мёд пить, — отмахивается Фёдор Парфёнович и уходит с балкона. Уже из столовой доносится его голос:

— А вот как мне быть, когда за праздничным столом люди о нём спросят? Эх, Николай, Николай!..

* * *

...Николай возвращался в расположение части. Он только что произвёл разведку и должен был по прибытии доложить свои соображения командиру, старшему сержанту Шлыкову.

Шёл мелкий осенний дождик, нудный, как комариное жужжание. Земля лоснилась от воды, словно была смазана жиром. Колючий кустарник скрёб по намокшей плащпалатке, пытался сорвать её с плеч.

Ефрейтору Николаю Огонькову и находящимся в его распоряжении разведчикам предстояло выйти в 10.00 к хутору Безымянный. Если идти напрямик, то на пути лежит болото. Можно двигаться в обход, но, во-первых, это значительно удлиняет путь, а, во-вторых, местность, по которой придётся пробираться, простреливается пулемётным и миномётным огнём «противника»...

Старший сержант Шлыков выслушал доклад ефрейтора Огонькова.

— Хотите идти топью?.. Правильно, — одобрил он. — Путь этот труднее и тяжелее, но сокращает расстояние на три с половиной километра... И противник меньше будет охранять подходы к хутору со стороны

трясины... Срок — три часа. В десять ноль-ноль вы должны быть в Безымянном! Помните, что от вашего успеха зависит успех всей боевой задачи! Ясно? Сверьте часы...

Четверо разведчиков шли через кусты к болоту. Колючий дождик дробно стучал по плащпалаткам, и казалось, будто кто-то, над самым ухом, работает на морзянке... Кругом было столько воды, что солдаты не заметили, как началось болото.

— Стой! — приказал Огоньков. Он оглядел разведчиков. Маленький коренастый харьковчанин Крыж, длинный туляк Семёнов, быстрый черноглазый Серго Салтадзе. Николай знал, что эти солдаты за любое задание берутся с задором, с огоньком, памятуя — в учёбе, как в бою: чем труднее задача, тем больше чести тому, кто её выполнит.

— Выломать палки подлиннее, — сказал Николай. — Прежде чем шаг сделаете, прощупайте всё вокруг. Ясно? Глазу тут веры не должно быть. Как говорится: «разведчик глазам не верит». Всякое может случиться. Осторожно шагать, как по заминированному полю. Ясно? Поскользнёшься — провалишься. Вытащить-то вытащим, а задержка? Потеря времени... Палки выбирать покрепче!

Дождь усилился. Шлёпанье капель по плащпалаткам сливалось с бульканьем воды под ногами, с чавканьем вытаскиваемых из болотной жижи сапог. Первым провалился Семёнов. Куски травы плавали на уровне его груди, тут же на воде лежала палка, а в поднятой над головой руке он держал автомат.

— Болотное крещение! — сказал Салтадзе, ложась на трясины и протягивая другу палку. — Держись.

Через несколько минут Семёнов, облепленный грязью, шагал за Николаем.

Капли вдруг исчезли, и небо, как гигантский пульверизатор, начало сеять на солдат водяную пыль. Сержанту то и дело приходилось сверять направление по компасу; шагали зигзагами, лавируя среди кочек, видимых ориентиров не имелось, можно было легко сбиться с курса.

Кочки пружинили. Останавливаться на них было нельзя — они вдруг начали ползти, уходить куда-то вглубь: такое ощущение бывает, когда стоишь на крутом песчаном берегу и под тобой начинается оползень...

Разведчики прошли немного, а потрачено было времени час десять минут.

«Торопить ребят бессмысленно, — думал Николай, — быстрее двигаться невозможно, но, шагая с такой скоростью, мы не выполним задания. Надо что-то придумать... Хотя бы до островка поскорее добраться — до него ещё метров двести...»

Итти было очень тяжело. В километре около тысячи двухсот шагов. И каждый шаг складывается из движений: надо поднять ногу, на которой гирей висит болотная грязь, куски какой-то гнили, трава, перетащить ногу вперёд, затем поднять другую ногу... А глаза вслед за палкой прощупывают каждый сантиметр поверхности, пытаюсь выяснить, что скрывается под серозелёным болотным покровом...

...Потом провалились почти в одно и то же мгновение Салтадзе и Крыж.

Николай и Семёнов сначала вытащили Крыжа, так как он был маленького роста и из трясины только торчала голова и рука с автоматом, затем выбрался Салтадзе.

Через несколько минут разведчики вышли на островок.

— Отдых! — скомандовал Николай и, взглянув на часы, добавил: — Десять минут!

Как приятно почувствовать под ногами твёрдую, надёжную землю! На островке, наверное, давно никто не бывал: мох и плесень почти совсем скрыли покосившуюся дощатую будку, построенную, видимо, какими-то охотниками, добывающими болотную птицу. Сквозь прогнившую крышу лил дождь, все стены сочились, но солдатам казалось, что в будке всё же суше, чем под открытым небом.

Салтадзе и Крыж перечиркали полкоробки спичек и, наконец, закурили. Семёнов принялся счищать грязь с плащпалатки. Николай поглядел на часы. Восемь тридцать. В Безымянном нужно быть в десять ноль-ноль. А по болоту идти ещё около двух километров.

— Если бы не дождь, куда спокойнее было бы! — сказал Семёнов. — А то воды в топь подбавилось...

— Это чепуха, — ответил Крыж. — Вот в Полесье болота, так это болота! Их теперь, правда, осушают, но были страшные топи!.. Мы туда на экскурсию ездили, когда я по торфу работал.

— И не по таким болотам в Полесье, — сказал Николай, — наши во время войны проходили! Старший сержант Павел Григорьевич Шлыков рассказывал, как они под огнём противника провели через полесское болото всю часть, используя бурелом и разбитые снарядными стволами деревья. Гвардейская работа!

— Это да! — восхищённо сказал Серго Салтадзе. — Это герои!

— Не забыли, что письма надо домой писать? — спросил вдруг Николай. — Поздравить с годовщиной

Октября, рассказать о своих делах. Сегодня четвёртое число — через три дня праздник!

«Нехватало только,— подумал он тут же,— чтобы сегодня сорвал выполнение боевого задания... Нечего сказать, сделаю подарок к празднику! А как пройти два километра по трясине за полтора часа? Да ещё в дожди! Хоть семимильные сапоги изобретай...»

«От вас зависит успех выполнения боевой задачи»,— вспомнились слова командира.

Солдаты, увидя, что ефрейтор задумался, примолкли.

— Надо использовать принцип лыж! — решил Огоньков. — Ведь при передвижении по труднопроходимому болоту давление на единицу площади из-за большой несущей поверхности у лыж (по сравнению с сапогом) сильно уменьшено! Не зря учили! Но что использовать как материал?

Николай выглянул из двери будки, огляделся.

Не было на мшистом, осклизлом от ливней островке ни жердей, ни ивняка, ни бурелома и щепы, как тогда у Шлыкова, в Полесье...

Что же делать? «Смекалка-выручалка», вспомнились слова Шлыкова. Действительно, не бывает же безвыходных положений...

Сняв пилотку, Огоньков взъерошил короткие волосы. Неожиданно крупная капля упала на лоб Николаю. Ефрейтор вздрогнул и вскинул глаза вверх. На расползающемся, бархатном от плесени потолке мерцали тысячи искрящихся точек — это в каплях отражались огоньки папирос...

— Нашёл! — вскочил Огоньков. — Отставить отдых! Ломать будку! Быстро!

В несколько секунд будка превратилась в грудку досок.

— Делай, как я! — приказал ефрейтор. Он выломал из стены две доски потоньше и принялся прикручивать их шнуром к ногам, как лыжи.

— Теперь... мы... как по тротуару пойдём, — привывая доски, говорил Салтадзе. — И как это я не догадался! У нас в Цихисдзири...

— Отставить разговоры! — приказал Николай. — Проверить: у всех крепко держатся доски?

Кочки болота лежали впереди, затушёванные дождём, похожие на ежей... Вода хлопнула под «лыжами» Огонькова. Нога не ушла в трясину — доска хорошо держала ефрейтора. Шаг... ещё шаг... Насколько легче идти!

— Вперёд!.. — скомандовал Николай.

* * *

— Товарищ старший сержант, — доложил связист, — вас вызывают с хутора Безымянного!

Шлыков взглянул на часы. Стрелки показывали без двадцати десять. Старший сержант подошёл к аппарату, взял трубку...

— Поздравляю вас, товарищ ефрейтор, и ваших солдат с отличным выполнением задания!

— Служу Советскому Союзу! — услышал Павел Шлыков голос Николая Огонькова.

* * *

...Почтальон поднимается на площадку, подходит к двери, даёт длинный звонок.

— Кто там?

— Почта, Фёдор Парфёныч!

На площадку из раскрывшейся двери Огоньковых вырывается весёлый шум. Почтальон видит накрытый

— Вперёд!.. — скомандовал Николай.

стол, гостей, рубиновый отблеск наполненных вином бокалов.

— Письмо? Воинское?! — взволнованно спрашивает Огоньков.

— Воинское, — улыбается почтальон.

— Может, зайдёте в дом? — говорит из-за плеча мужа Ксения Ивановна. — По случаю праздничка выпьете, закусите с нами.

— Спасибо, — строго отвечает почтальон, — но в данный момент мы на работе! Уж как-нибудь в другой раз. А то в других квартирах тоже, небось, писем ждут! Поздравляю вас с праздником, желаю успехов! До свиданья, — и он идёт вверх по лестнице.

— Ого! — произносит Фёдор Парфёнович, отрываясь, наконец, от письма. — Николай-то наш каков!

Он протягивает гостям фотографию. Со снимка глядит ефрейтор Огоньков в полной форме, строгий и подтянутый, а сзади него — развёрнутое Знамя части.

— При развёрнутом Знамени! — гордо говорит Фёдор Парфёнович, занимая своё место за столом и берясь за бокал. — Поднимаю тост за тех, кто при развёрнутом Знамени! Ведь мы, советские люди, стоим во главе всех честных людей, при развёрнутом Знамени коммунизма! И на Знамени нашем написано — СТАЛИН!

ТРИЖДЫ УБИТЫЙ

Что я в этот день пережил — вспомнить страшно. Возвращался я к себе в родную роту после госпиталя. Шестьдесят дней — минута в минуту — провёл в окружении медперсонала. По армии скучал — ни в сказке сказать, ни пером описать. Поэтому, когда я вышел из вагона на прифронтовой станции, настроение у меня было плясовое: ещё бы! Ведь теперь-то до своих рукой подать!

И вот, отправился я искать попутную машину. Время, если по часам считать, типично дневное — четыре часа без пятнадцати минут. Но я рассчитал так: зимой день куцый — у своих буду как раз в темноте, — потому что днём на наш участок всё равно не проберёшься...

Пока искал я машину, встретился с ефрейтором Рожковым. Мы хоть из одной роты, но в друзьях не числились, очень уж Рожков насмешливый малый и мне с моим дружкой Катюшиным от него часто попадало. Но тут, когда я два месяца никого из однополчан не видел, мне и Митя Рожков показался близким

родственником. Ну, как положено, объятия, вопросы, ответы.

— А я,— говорит Рожков,— месяц в госпитале лежал. После атаки — прямой дорожкой в медсанбат и вот до сего дня числился по нервной части. Контузия!

— Ну, Митя,— говорю я Рожкову,— раз ты всего месяц как из роты, то рассказывай новости. Я-то ведь два месяца наших не видел!

— А разве ребята вам писем не писали? — спрашивает Митя.

— Одно дело письменность, а другое — солдатский глаз,— отвечаю я.— Тем более, многие вообще писем писать не любят. Мой дружок Катюшин, например, лучше десять статей в боевой листок напишет, чем одно письмо.

И как только я эти слова произнёс, замечаю — Митя чего-то поскукнел, смутился вроде.

— В чём дело? — спрашиваю.— Похоже, брат, ты от меня что-то скрываешь! Может, с Катюшиным происшествие какое-нибудь? Да нет, мне в каждом письме от него поклоны передавали!

— Раз поклоны... то... конечно,— бормочет Рожков.

Тут уж я всерьёз взволновался.

— Ефрейтор Рожков! — говорю.— Доложите мне, что вам известно о сержанте Катюшине!

— Слушаюсь, товарищ гвардии сержант! Убит сержант Катюшин ровно месяц назад, в той самой атаке, где меня контузило!

Я от растерянности онемел, честное слово. Мысли в голове — ураганом: Катюшин погиб? Невозможно! И как же я письма получал с его приветами? Может,

впрочем, друзья расстраивать не хотели? Да нет, что-то путает ефрейтор!

— Когда я на спине у санитаря очнулся,— говорит Митя,— первое моё слово: «Катюшин жив? Ну, который рядом со мной в окопе лежал, усатый такой сержант?» А санитар отвечает: «Кроме тебя, никого в живых в окопе не осталось!»

И начал тут мне Рожков рассказывать подробности боя. Действительно, такое создалось положение, что в живых, вроде, остаться шансов нет.

Вот как разворачивались события. Рота шла в атаку. Когда уже и минные поля и колючка позади остались, с флангов ударили фашистские пулемёты. Пришлось залечь. На левый фланг для подавления огневой точки поползли Катюшин и Рожков. Местность бугристая, артиллеристами много раз вспаханная, так что добрались сравнительно быстро. Метрах в десяти от фашистского окопчика — большая воронка, из неё Катюшин и Рожков метнули гранаты. Пыль от взрывов ещё не осела, а сержант с ефрейтором уже были в окопчике. Попали они в небольшой такой тупичок — пулемёт лежит покорёженный, двое убитых гитлеровцев. А в другой части окопа крики. Прямо на голоса Катюшин ещё одну гранату швырнул. И сразу — два взрыва: один там, а другой тут перед тупичком. Значит, засекли фашисты наших. Гранатой этой гитлеровской Рожков и был контужен. Упал, вроде всё цело, а ни рукой, ни ногой пошевелить не может. И сознание, как бинокль, который настраивают, — то всё ясно, то туман. Но слух и зрение работают. И вот слышит Рожков, как по окопу, к тупичку, бегут фашисты. Они думали, что их граната обоих русских убила. Катюшин подобрался к углу, дал длинную очередь вдоль окопа. Один фашист

сразу рухнул, а другой побежал обратно. Но второй очередью сержант его тоже уложил. После этого Катюшин бросился к Рожкову узнать, жив ли. Шупает, встряхивает. Вдруг шорох какой-то сзади. Оборачивается Катюшин — а на выходе из тупичка фашист стоит. Когда Катюшин дал очередь, тот, наверное, нарочно свалился, а теперь подполз...

Катюшин нажимает спусковой крючок — молчит автомат, патроны кончились. Фашист стоит метрах в семи — даже врукопашную не бросишься, пока добежишь, тебя пули искрошат всего. И магазин не успеешь заменить — пристрелят. Что делать? Последнее, что запомнил Рожков, прежде чем лишиться сознания: стоит фашист с автоматом, а перед ним, к стене припёртый, Катюшин.

Очнулся Рожков уже на спине санитары...

После митиного рассказа у меня такая душевная контузия получилась — хуже ста любых ран. Рожков, тот даже отошёл от меня подальше — переживает парень: мол, не мог ближайшего катюшинского друга осторожненько к печальному известию подготовить.

— Павлу Шлыкову наш пламенный воздушный привет! — вдруг говорит кто-то.

Смотрю — знакомый лётчик. Был такой случай — мы целый месяц охраняли аэродром, задание, как говорится, особой важности выполняли. И тогда же я и Катюшин со многими из лётчиков подружились.

— На военной дороге — кого только из друзей не встретишь! Ты пятый сегодня! Отчего такой расстроенный?

Я ему сообщаю, так, мол, и так, только что узнал о гибели друга.

— Про Катюшина? — говорит лётчик. — Да, глупо получилось... Две недели назад это было — на моих глазах, можно сказать. Как сейчас вижу: лежит Катюшин на дороге, а рядом ещё один солдат, оба наповал, машина горит.

— Постой, — говорю я, — что-то ты, друг, путаешь! Погиб Катюшин месяц назад, в атаке, мне сейчас об этом ефрейтор Рожков из нашей роты рассказывал.

— Не знаю, что тебе ефрейтор рассказывал, — говорит лётчик, — а я видел Катюшина две недели назад, разговаривал с ним. Перед вылетом приказали мне явиться в штаб. И возле штаба сталкиваюсь с Катюшиным. Стоит он у грузовика. А вокруг машины моряки суетятся — у нас там тогда одно подразделение морской пехоты базировалось.

Поручено, оказывается, Катюшину спешное задание особой важности — днём проскочить с грузом по Демидовскому шоссе до Кортицы. Фашист летает, да артиллерия постукивает. Но проехать надо во что бы то ни стало. Вот и решили в штабе: кто-кто, а уж Катюшин сумеет.

Через полчаса после отъезда Катюшина я уже вылетал с аэродрома на перехват гитлеровских бомбардировщиков. Решено было пока на брющем итти, чтобы незаметно подкрасться. Идём, прижимаемся к лесу и вдруг вижу — «мессер» взмыл от дороги и высоту набирает. Екнуло у меня сердце: вспомнил я о катюшинской машине со срочным грузом. Тут мы как раз вдоль дороги пошли и успел я разглядеть и горящую машину, и разбитый мотор... Из кузова яркий синий огонь бьёт, сам Катюшин лежит, руки раскинуты, рядом — один из моряков, тоже убитый. Вот я и видел Катюшина в последний раз... Сам понимаешь,

ошибки тут быть не могло: одна машина на шоссе, да ещё с охраной из моряков — не спутаешь...

Вздыхнул лётчик, сел рядом со мной, пригорюнился.

В это мгновение подбегает ко мне кто-то — в таком я состоянии был, что и не разглядел кто — кричит:

— Товарищ гвардии сержант! Машина есть попутная!

Как простился я с лётчиком, как забрался в кузов — не помню. Начал в себя приходить только в дороге. Темно уже. Рядом со мной кто-то закуривает, прикрываясь плащпалаткой. Гляжу — Ерёмин, сапёр из второго взвода. Толкнул его: «своих, мол, не узнаёшь?» Оказывается, он со мной уже пытался разговаривать, да я всё мимо ушей пропускал. Ерёмин только сегодня как из роты, выполнял на станции специальное поручение командира.

— Рожкова видел? — спрашиваю.

— Он на передней машине едет.

— А ты, брат, чего сегодня сумрачный? На себя непохож.

Вообще-то, надо сказать, Ерёмин известный на весь батальон балагур. Мы его так и зовём — заместитель Васи Тёркина по общим вопросам. А тут сидит, как мумия. Может, от меня настроением заразился?

И вдруг мне Ерёмин говорит такие слова, что я чуть за борт не вываливаюсь от удивления:

— Сегодня сержант Катюшин погиб...

Я сижу, молчу, всю руку себе исщипал — проверить хочу: сплю или нет? Не может же быть такого! Ведь одного человека трижды убить нельзя!

— Ну, — говорю, — рассказывай всё по порядку...

И вот что мне Ерёмин сообщил.

Прошедшей ночью снайпер Юрьев и сержант Катюшин, как специалист по маскировке, получили задание ликвидировать двух фашистских снайперов. Портили эти снайперы всю погоду — каждый день несколько человек из-за них ранено. И стрелки наши не могли с ними справиться. Вот и послали Юрьева, Катюшина да Ерёмина впридачу — для оказания помощи в строительстве и прочем... Шли хорошо, без помех. Катюшин шутил всё: «Мне, говорит, самое трудное — это усы свои замаскировать. Из-за любого укрытия торчат». Пришли на место. Катюшин шепчет: «Я, учтите, буду на этой сосне кукушку изображать». А Юрьев выбрал себе позицию под большой елью. Вырыли они с Ерёминым берлогу целую, обложили её ветвями, получилась, как говорится, мечта медведя. А Катюшин от помощи отказался — «У меня работа ерундовая», — говорит. И сидит на своей сосне, обкладывается ветками.

Ещё задолго до рассвета всё кончено было. Ерёмину приказали возвращаться. И вот, уже светать начинает, когда Ерёмин до окопов второй роты добрался. Навстречу ему по ходу сообщения лейтенант Карасёв идёт.

Ерёмин ему докладывает — возвращаюсь, мол, на исходные позиции.

— Следуйте за мной, — приказывает лейтенант, — я вам вручу пакет для командира вашей роты.

И вот, сидит Ерёмин во второй роте, возле командирского блиндажа, на самом наблюдательном пункте. А опушка леса, где Катюшин с Юрьевым, оттуда хорошо просматривается. Попросил Ерёмин бинокль — а рассвело окончательно — смотрит. Вдруг два выстрела с той сосны, где Катюшин сидит. И сразу же со стороны гитлеровского снайпера ответ — дуэль

началась. Только плохое начало получилось: падает Катюшин с дерева, за ним вся маскировка летит... Расшифровал, значит, его фашист. Ударился Катюшин о снег и лежит. Лейтенант вызывает Ерёмину, вручает пакет... Прибежал солдат в свою роту, передал пакет командиру, потом докладывает о гибели Катюшина. Лейтенант Арбузов в лице изменился. Послал двоих разведчиков к Юрьеву. А Ерёмин с другим пакетом на станцию.

— Вот, Павел Григорьевич, и все подробности, — закончил Ерёмин.

— Бред какой-то, — говорю я. — Нельзя одного человека три раза убивать. На такой случай даже поговорка специальная существует: «трём смертям не бывать, одной не миновать!» Что-то ты, брат, путаешь. Мне, например, ефрейтор Рожков рассказывал, как Катюшин на его глазах в атаке погиб месяц назад. А знакомый лётчик видел гибель Катюшина две недели спустя, на Демидовском шоссе.

— Да я с Катюшиным вчера вечером из одного котелка кашу рубал! — грустно сказал Ерёмин. — Скажут тоже: месяц! Две недели! Утром сегодня всё это произошло, чтоб мои глаза того не видели...

— Ладно, — говорю, — сейчас будем дома, там всё выясним...

А у самого в голове — лабиринт: всё перепуталось. Рожков утверждает своё, лётчик тоже человек серьёзный, Ерёмин опять же всё сам видел. Разберись, попробуй!

Остаток пути мы молчали. Машина остановилась, мы спрыгнули на снег, поблагодарили водителя и зашагали с Ерёминым через лес на передовую. Рожков,

очевидно, отыскал попутчиков и пошёл другой тропкой — я его в этот день больше не видел.

Через час мы уже пробирались по ходу сообщения к блиндажу командира роты.

Гитлеровцы всё время осветительные ракеты кидают — шагаем по окопу как днём, не споткнёмся. Вдруг Ерёмин отпрянул назад, меня за руку хватает и — чувствую — дрожит весь.

— Там... — бормочет. И показывает куда-то за поворот.

— Кто?!

И вдруг прямо на меня выходит сержант Катюшин! Живой и невредимый! Увидел меня (как раз очередная ракета вспыхнула), да как гаркнет:

— Паша! Друг! — и давай тискать.

А я слова сказать не могу. Не то смеюсь, не то плачу.

— Да что с тобой? — спрашивает он. — Или в глаз попало?

— Усищами, — говорю, — меня своими защекотал!

И не утерпел я: что за сегодняшний день о нём выслушал, всё ему и выложил. Ерёмин тут же стоит, поддакивает.

— Вот, — говорю, — сержант, расхлёбывай сам. Разбирайся, что к чему. Начинай по порядку!

А Катюшин смеётся, да ус подвинчивает.

— Никто тебе, Паша, слова неправильного не сказал, — отвечает. — Всё соответствует действительности.

И даёт он нам объяснения по всем пунктам.

Сначала о бое, где Рожкова контузило. Положение в том окопчике создалось, действительно, хуже губернаторского. Представьте: стоит здоровёхонький

И вдруг прямо на меня выходит сержант Катюшин.

фашист с автоматом, а у тебя патроны кончились. Как быть? До гитлеровца метров шесть-семь, броситься врукопашную не успеешь, пристрелит. Тут доли секунды роль играют. И вот Катюшин проявил смекалку, выиграл время для перезарядки автомата простым способом: воспользовался тем, что стоял вполоборота к гитлеровцу, вырвал пустой магазин из своего автомата и метнул его фашисту под ноги. А так как перед этим Катюшин и Рожков, в основном, отбивались гранатами, то гитлеровец был убеждён, что советский солдат и сейчас прибежал к гранате. Рефлекс, если хотите. Короче говоря, фашист, как подкошенный, упал за угол окопчика, надеясь таким образом спастись от «гранаты». За те две-три секунды, пока гитлеровец ждал взрыва, Катюшин сменил магазин и подобрался к месту соединения тупичка с окопом. И когда фашист поднял голову, чтобы посмотреть, отчего же «граната» молчит, он увидел дуло катюшинского автомата, и сержант уложил фашистскую голову на прежнее место — навечно... Потом, убедившись, что Рожков не убит, а контужен, Катюшин — уже после боя — прислал санитаров... Но санитары Катюшина не знали, а в окопе, действительно, никого кроме Рожкова в живых не осталось — поэтому ефрейтор и решил, что Катюшин погиб.

На Демидовском шоссе — лётчик не ошибся: «горела» машина Катюшина. Задание было очень срочным и особой важности. Поэтому и принял Катюшин все меры предосторожности: заготовил паклю, взял с собой ракеты, прорепетировал с охраной команду «воздух». И, когда послышалось в небе жужжание «мессершмиттов», Катюшин распорядился остановить грузовик. Подобранные в кювете гитлеровские стальные каски наполнили паклей и, залив горячим, подожгли.

Одна каска горела на кабине водителя, другая — среди кузова. Ещё в одну каску положили две синих ракеты, которые, вспыхнув, создали впечатление взрывов. Фашисты, решив, что машина и сама догорит, собрались уходить. В это время показалось звено наших «ястребов». Заметив их, фашисты удрали в направлении линии фронта. Катюшин же решил выждать — а вдруг вернуться? Тем более, что, судя по курсу, наши лётчики не патрулировали, а шли на перехват какой-то ещё невидимой группы самолётов противника... Когда же всё затихло, машина быстро приняла свой обычный вид и помчалась дальше...

— А с сосны я не падал,— усмехнулся Катюшин.— Потому что я на ней и не сидел. Ерёмин чучело за меня принял. И не только Ерёмин, фашистский снайпер тоже. Чучело у меня было толковое: руками шевелило, из автомата стреляло, замаскировано первым сортом. Одну верёвку дёрну — чучело рукой пошевелит, другую дёрну — стрельба идёт. Гитлеровец чучело это засек и снял. Я дёрнул третью верёвку, сук подпиленный обломился, чучело сорвалось, прямо в снег. А Юрьев тем временем фашистского снайпера, который на приманку клюнул, успокоил навеки.

— Эх, верно говорят — трём смертям не бывать...— начал Ерёмин, но Катюшин перебил его.

— Терпеть не могу этой пословицы! Настоящий солдат должен по другой пословице жить: «три смерти миновать и четвёртой не бывать», вот как!..

...Поговорку эту вы, наверное, слышали — она весь фронт обошла... Даже иногда обидно бывало — не верили, что в нашей роте она родилась. Но, честное слово, это подлинное катюшинское выражение... А за сержантом Катюшиным с того дня и пошло прозвание: «трижды убитый».

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы о книжках библиотечки журнала
«Советский воин» и свои пожелания по-
сылайте по адресу: Москва, пл. Коммуны, 2.
Редакции журнала «Советский воин».

РЕДАКЦИЯ.

Техн. редактор Ю. Гончаренко. Корректор А. Шабанова.
Издатель Воениздат. Адрес редакции: Москва, площадь Коммуны, д. 2.
ЦДСА им. М. В. Фрунзе Тел. К 2-40-73.

Г97341.

Подписано к печати 11.III.53.

Бумага $72 \times 108\frac{1}{32} = 0,75$ бум. л. — 2,05 печ. л.

Зак. 101.

1-я типография имени С. К. Тимошенко
Управления Военного Издательства Военного Министерства Союза ССР